

День ещё застыл в сумерках, небо словно затянуло тонкими облаками, которые почти скрыли собой только что ярко светящуюся луну. Облака плыли в вышине, и вслед за этим явлением в непроглядной тьме два берега вместе с рекой Оман приобрели смутные очертания, словно призрачные силуэты, даже горные хребты, тянущиеся волнистой линией, были сложно различимы глазу.

Цю Лань и остальные служанки проследовали за князем в покои, дабы помочь Его Светлости переодеться, толпа девушек действовала расторопно и вскоре, позаботившись как надо, уложила его спать. Сейчас Жун Ху не дежурил, тем не менее Цю Лань намеревалась остаться снаружи княжеских покоев, ожидая, что князь Мин в любое время её позовёт, сам же Фэн Мин, понимая, что парочка недавно поженилась, и потому не желая портить их с Жун Ху отношения, отослал служанку, оставив при себе только Цю Юэ.

Цю Юэ, услышав приказ, посмотрела на Цю Лань, затем перевела взгляд на Ло Юня, который должен был остаться в самой комнате, и только затем с крайне удивлённым лицом, похоже, волей-неволей кивнула:

— Ваша служанка поняла.

Самым радостным оказался Жун Ху, и хоть он не рассмеялся, вот только глаза его выдали, наполнившись радостью, к тому же стоило Цю Юэ слегка кивнуть, как Жун Ху напористо обмолвился:

— Премного благодарен. — И, взяв Цю Лань под руку, быстрым шагом направился прочь из комнаты.

Глядя на силуэт удаляющейся парочки, Фэн Мин с улыбкой покачал головой:

— И впрямь потребность в еде и плотских утехах — естественна[1].

Ещё не стихли слова, как Цю Юэ, вытянув белые, словно нефрит, нежные руки, укрыла Его Светлость ватным одеялом:

— Доброй ночи, князю Мину нужно скорее засыпать, иначе завтра под глазами будут синяки. Не бойтесь, что Шу-ван из Тун станет над Вами шутить?

Словно разглядев, с какой неохотой выполняет работу Цю Юэ, Ло Юнь безэмоционально нарушил молчание:

— Пойду сделаю обход. — И покинул опочивальню.

Фэн Мин улёгся, позволяя Цю Юэ помочь тщательно подоткнуть со всех сторон одеяло, мягко советуя:

— На самом деле он очень хороший, к чему целыми днями обращаться с ним строго?

На что девушка изумлённо переспросила:

— Я обращаюсь с ним строго? Князю Мину стоит быть несколько внимательнее, ведь это он ко мне так обращается, — отведя взгляд и надув губки, упрекнула девушка. — К чему при мне упоминаете о нём? Ни в коем случае не учитесь дурным манерам Цю Син. Всё, хватит непристойностей, Вы должны как следует выспаться.

Расторопно позаботившись и посоветовав, служанка затушила стоящую у изголовья свечу, лишь оставив у входной двери чашечку со слабо мерцающей лампой, после чего выскользнула за дверь.

Фэн Мин лежал в кровати и, воспользовавшись тем, что вокруг ни души, вольно и протяжно вздохнул.

Действительно не следует! Ни в коем случае не следует во время бесед с Цин Чжаном пить чай.

Именно сейчас, выпив крепкого чая, князь был бодрее, чем днём, а сонливость как рукой сняло.

И он неожиданно... Вновь начал вспоминать этого типа...

«Жун Тянь... Возмутительный император Силэй... Жун Тянь, где ты сейчас, чем занят? В Чжаобэй или где-нибудь ещё? Не знаю, виделся ли ты с принцессой Чжаобэй, а я встретился с «нежеланным государем» Ду Фэном, из уст которого услышал историю принцессы Чжаобэй. А ещё я научился играть на флейте...»

Не выдержав, князь с тихим шуршанием одеяла о простынь перевернулся.

Не думай...

Он немного скучал, но мысли или всё же тоска невыносимой болью скрутились в груди.

Самое плохое, что несла в себе тёмная ночь, — это чувство пустоты в постели, как сейчас; казалось, даже его, князя, в ней не было, присутствовал только лёгкий пугающий холод.

Фэн Мин и впрямь немного испугался, ведь его тело, конечно же, уже давно привыкло к ласкам Жун Тяня, который заставлял юношу невыносимо стонать.

Щека, шея, грудь, ниже поясницы... Каждая частичка тела хранила глубокую тоску по Жун Тяню, томительно ожидая, что ещё мгновение — и пара наполненных волшебными чарами рук обнимет, одаривая нежными и заботливыми ласками.

Так было?

И Фэн Мин легонько пальцем скользнул по щеке. Чувствуя, насколько она нежная, Его Светлость немного оживился: вероятно, когда Жун Тянь дотрагивался до его лица, тоже чувствовал спокойствие.

Князь снова прижал ладонь к лицу и, закрыв глаза, представил, что его поглаживает могущественный и выдающийся император Силэй. Глаза Жун Тяня в темноте могли сверкать; Фэн Мин внезапно вспомнил, что никогда не разговаривал с Жун Тянем об этом, он чувствовал в чёрных, как смоль, глазах мужчины необыкновенную трогательность, более того, ему очень нравилось, когда взгляд этого молодого императора из хищного изредка становился мягким. Такую мягкость, к счастью, мало кто мог увидеть.

Лёгкое сожаление охватило душу — почему он никогда не говорил об этом, находясь с Жун Тянем наедине?

— Будь ты здесь, я мог бы наговорить тебе очень и очень много сладких речей, — говорил князь в воздух всё, что таилось глубоко в душе. Голос при этом звучал ласково, а иногда с глубоким упрёком, словно Его Светлость капризничал.

От подобного Фэн Мин немного испугался.

Ах... Кто бы мог подумать, что затронется несчастная любовь.

Но вскоре он вновь начал распутно безобразничать, безжалостно думая: «Несчастливая любовь есть несчастная любовь, нет, может быть, сейчас он тоже думает обо мне, то есть думает не переставая».

Подавляемая очень долгое время тоска переполнила грудь, увеличиваясь и принося боль, в данную минуту он отчаянно хотел, чтобы Жун Тянь оказался рядом.

В конце концов он понимал, что с самого начала мучительно сдерживался, но постоянно думал о Жун Тяне. Смутно догадываясь, почему Жун Тянь говорил, что во время расставания мысли могут приносить нестерпимую боль, лишь сейчас, охваченный этой самой болью, Фэн Мин стал поглаживать себя, дабы унять гнетущее чувство. Но всё было безуспешно.

Глаза были плотно закрыты, а дыхание участилось, и спустя долгое время князь внезапно удивился, обнаружив, чем именно занят сейчас; рука, что ласкала тело, заставила Его Светлость залиться краской стыда, однако тело отреагировало крайне странно. Князь не то

чтобы себя не утешал, вот только он крайне редко испытывал столь «спешное желание».

«Конечно же это Жун Тянь так сильно развратил меня!» — испытывая смесь эмоций, ругал молодого мужчину Фэн Мин и, краснея, вновь задвигал рукой.

Было бы замечательно... окажись здесь Жун Тянь.

«Утешая» дрожащее тело, князь ещё больше чувствовал печаль.

Во всяком случае никого в каюте нет, кроме непроглядной тьмы, потому было неважно, являлся ли он, Фэн Мин, сейчас князем Силэй или же молодым господином рода Сяо!

Когда Жун Тяня нет рядом, он лишь бедный и незадачливый Фэн Мин, не более...

Жун Тянь! Жун Тянь!

Движения ускорились; ни на волос не понимая, насколько сейчас его лицо выглядит трогательно, уже долгое время сдерживающий себя Фэн Мин очень скоро и яростно затрепетал всем телом и, в отчаянии откинув голову назад, в воздух еле слышно выкрикнул: «Жун Тянь!», а затем, горячо и протяжно простонав, медленно расслабил изогнувшуюся дугой спину.

На ладони осталось липкое белёсое семя. А сам князь тихо расплакался. Позорно и сожалел... Одиночество, прячущееся в глубине сердца, и тоска, которую нельзя было показывать, заполнили его и крепко стиснули. Фэн Мин, закусив губу, с головой зарылся в огромное ватное одеяло и, свернувшись калачиком, заглушил собственный плач.

Он боялся, что находящаяся снаружи Цю Юэ услышит, а если это произойдёт, то непременно ворвётся с вопросом: «Что случилось?», и если она догадается, то не исключена возможность, что и остальные примчатся и начнут утешать несколько дней кряду.

Ну уж нет! Ведь он — князь Мин из Силэй, молодой господин рода Сяо, горделиво[2] сидящий подле императора Силэй.

Неизвестно, сколько он проплакал — сам Фэн Мин предположил, что недолго — но, почувствовав, что задыхается под одеялом, Его Светлость слегка высунул голову и приоткрыл чуть-чуть веки, внезапно взгляд стал пристальным, а глаза чуть не вылезли из орбит.

— Ты... Ты почему здесь?

Сильно испугавшись, да что уж там, придя в ужас, что его столь постыдное занятие кто-то видел, Фэн Мин задал вопрос пренебрежительно и очень колко, настолько, что голос больше не

звучал мелодично, как это было ранее.

Единственный отблеск света, исходящий от лампы, горячей во мраке комнаты, падал на сидящий перед кроватью силуэт, который и в темноте можно было узнать: им оказался Ло Юнь.

Неужели он всё видел? Или слышал?

Молчаливо сидящий под отблесками лампы Ло Юнь, обхватив меч, находился у изголовья кровати в своей обычной позе, ещё больше напоминая неподвижную и холодную статую.

— Ты когда пришёл? — робко смерил взглядом Ло Юня Фэн Мин.

На самом деле взглядом ничего нельзя было окинуть, так как свет лампы горел тускло, очень слабо озаряя лицо телохранителя.

— Только что, — выплюнул[3] неразговорчивый Ло Юнь.

Только что? Когда только что?

Сердце словно кто-то сдавил.

И ладно бы если свидетелем оказался кто-нибудь другой, но Ло Юнь, этот тип, боюсь, что...

Князь ждал словно приговора, ждал, что Ло Юнь скажет что-нибудь, но даже через долгое время юноша и рта не раскрыл.

Фэн Мин думал спрятаться под одеялом, казалось, Ло Юнь ничего не знает. Поскольку молодой человек являлся любителем отпускать язвительные фразочки в его, князя Мина, сторону и ни в коем случае не упустил бы такого отличного шанса.

Фэн Мин незаметно вздохнул с облегчением, но внезапно послышался шорох и что-то было брошено на его подушку. Князь ненадолго оцепенел, протянул руку, трогая, — мягко. Ткань?

— Вытри-вытри.

— Ик?

— Не вытрешь? — равнодушно спросил Ло Юнь.

Мозг «заработал», включая красный свет и заставляя Его Светлость чуть не сгореть со стыда.

Лицо загорелось так, будто его прислонили к духовке; спустя очень долгое время князь всё же набрался мужественности и, высвободив руку, схватил полотенце и словно бандит спешно потянул его под одеяло, где быстро обтёр себя, и так же поспешно выкинул махровую ткань. После чего зарылся под одеяло с головой, как сделал бы страус.

«И снова в затруднительном положении! Ло Юнь на самом деле меня ужасно презирает, кроме того, при Ло Юне... это самое... плача, выкрикнул имя Жун Тяня...»

— Ты... — Фэн Мин медленно высунулся из «убежища» и шепотом спросил сидящего к нему спиной Ло Юня: — Ты ведь никому не скажешь?

— Что никому не скажу?

Услышав эти слова, Фэн Мин незаметно вздохнул с облегчением. Через какое-то время князь сменил удобное положение и, обняв подушку, подсунул под щёку:

— Ло Юнь, иногда я считаю, что ты действительно... очень хороший... я думаю... — слова не успели стихнуть, как внезапный и в то же время резкий удар неожиданно прервал Его Светлость.

Грохот! Треск ломающегося дерева! Грохот! Раздался удар, словно раскат грома! И такой ужасный звук раздавался безостановочно, как будто джонка налетела на что-то, отчего тряхнуло так, что Фэн Мин чуть не свалился с кровати.

Внезапный крик пронзил ночное небо. Стоящая в комнате лампа опрокинулась, и фитиль от удара об пол совсем погас. Воцарилась тьма.

Его Светлость спешно перевернулся и ещё не успел выяснить в чём дело, как Ло Юнь сорвался с места и, потянув на себя Фэн Мина, заставил подняться с постели, после чего спешно кинул на голову князя накидку, холодно крикнув:

— Надевай.

Наконец придя в себя, Фэн Мин кое-как натянул накидку и снова шепотом спросил:

— Что случилось?

В руку легло что-то холодное, Фэн Мин, слегка пощупав, понял — это его собственный меч, немедля сжав его, князь растянул губы, обнажая оскал, и вынул лезвие из ножен.

Бах! Грохот! Раздалось внезапно ещё несколько ударов, вновь сильно раскачивая большую джонку, словно рулевой не успел выбрать сторону, заставляя судно безжалостно свернуть на другой путь и, выйдя из-под контроля, чуть не перевернуться.

Встревоженные мужчины взвыли от злости, а девушки звонко вместе завизжали от страха. Всё произошло в промежутке между считанными вздохами.

— Молодой господин! — громко выпалил Ло Юнь, бросаясь к двери.

Фэн Мин, держа меч, последовал за телохранителем, который тотчас же остановил его и, не собираясь ничего обсуждать, вновь втолкнул в комнату, крикнув:

— Подождите!

— Князь Мин! — вслед за этим послышались хаотичные шаги — Жун Ху вместе со своими людьми, прихватив с собой ещё десяток людей Сяо Цзуна, с оружием наперевес наконец-то добрался до покоев Его Светлости.

Непрерывный грохот сопровождался сильной тряской, словно горы обваливались и трескалась земля[4], все, едва держась на ногах, старались окружить князя Мина, дабы обеспечить должную охрану.

— Что случилось?

— Корабль подвергся неожиданной атаке! — небрежно ответил Жун Ху. — Это, определённо, хорошо спланированная ловушка. Поскольку в воду было сброшено неизвестно сколько брёвен, которые плывут по течению, боюсь, наша большая джонка не выдержит подобного натиска.

— Где Цю Лань и остальные служанки?

— В надёжном месте.

— Кто такой смелый, раз отважился напасть на караван судов рода Сяо?

— Сейчас не время обсуждать это...

Судно ещё раз резко трянуло, но телохранители вместе с князем Мином умело ухватились каждый за то, что оказалось под рукой и помогло сохранить равновесие.

Мир, да что уж там, вся вселенная закружилась. Но в одно мгновение воцарилась мёртвая тишина.

Нервы были на пределе. Посмотрев друг на друга, охранники окружили Фэн Мина, заняв каждый свою позицию.

Бах!

Очередной удар, к которому никто не был готов, джонка задрожала, словно вопя, и все с ужасом[5] заметили, что пол под ногами медленно накренился. Князь пошатнулся и уже было стал падать в сторону, как Ло Юнь проворно[6] схватил его за талию, останавливая падение.

Глядя на телохранителя с благодарностью, Фэн Мин обернулся:

— Нужно выбираться отсюда.

На что Жун Ху вернул:

— Ло Нин с остальными охраняют снаружи, более того, весьма вероятно, что мишень противника — князь Мин, потому не следует показываться на глаза.

Но князь, качая головой, прошептал:

— Что охраняют? Дно корабля наверняка пробито, рано или поздно здесь будет вода. Это не обычные бандиты, у противника, несомненно, есть главарь, хорошо владеющий техникой водного боя! — И, обнажив меч, князь бросился в сторону трюма.

Множество охранников отправились следом. Выбравшись из полуосвещённой комнаты, они оказались на палубе, где пугающий рёв волн заполонил слух, на самом же корабле сновали охранники, сжимая в руках мечи, и экипаж корабля, сдерживая залп стрел, что заслонял сейчас небо[7].

Лунный свет затерялся в облаках, а по двум берегам реки Оман царила мёртвая тишина, одновременно с этим на поверхности самой воды стоял рёв, смешанный с ударами, наносимыми каравану кораблей рода Сяо.

Толпа ввалилась на палубу, где всё было перевёрнуто вверх дном[8], и первое, что бросилось в глаза — стоящие в ряд у истока реки несколько десятков ярко освещённых больших джонок, которые сильно отличались от кораблей рода Сяо как по форме, так и по высоте: этажей было немного, а корпус судов был длинным и тонким. Сейчас же разноцветные знамёна развевались на борту, быстро сменяя друг друга, явно получив некий указ, дабы вселить во врага чувство надвигающейся опасности от медленного наступления.

— Что это за сигнал?

— Не знаю!

Заметив появление Его Светлости на палубе, все люди Сяо Цзуна тотчас же столпились вокруг Фэн Мина. Всегда улыбчивый Ло Дэн с отважным видом размахивал мечом во все стороны, отражая выпущенные в них чёрные стрелы, встал по правую сторону от князя Мина и злобно бросил взгляд на вражеские суда, что беззаботно устроились на водной глади реки:

— У этих судов нет единого знамени.

— Кто атаковал нас?

— Противник не назвал своего имени.

Залп стрел свистел словно ураган, заставляя говорящего то и дело срывать на крик.

С беспокойством оглядев всё пространство, молодой господин рода Сяо понял — все следовавшие за ним джонки его отца оказались в том же критическом положении, что и главный корабль, ведь по течению плыла разрушительной силы древесина[9], продолжая наносить удары, неизвестно когда превратив водный участок, находящийся у них под «ногами», в древесный островок.

На вражеской стороне подгадали удачное место и, действуя организованно — опуская на воду древесину — с хладнокровием[10] пускали залп стрел в членов семьи Сяо.

Негодяи! Разве кто-нибудь в Поднебесной посмел бы препятствовать джонкам рода Сяо? И почему атака произошла так внезапно и бесцеремонно?

— А где корабль Цин Чжана? — громко поинтересовался Фэн Мин.

Не дожидаясь ответа, Его Светлость взглядом отыскал корабль царствующего дядюшки рода Тун. Отличавшийся по размерам и внешнему виду от джонок рода Сяо, корабль Цин Чжана также подвергся атаке, вражеские стрелы подавляли их судно, но, глядя на размер их судов, по-видимому, само судно Цин Чжана избежало участи больших джонок молодого господина — оказаться зажатыми древесиной. Этот плен продлился ещё какое-то время.

— Пристать к берегу!

— Слишком поздно!

— Молодой господин, у двух берегов скопление древесины ещё теснее, да и не успеем достигнуть берега, окажемся в воде!

Очередной беспощадный залп стрел вновь обрушился на них.

Находящийся рядом Цин Мэнь глухо простонал и, взяв внезапно пронзившую его левую сторону груди стрелу, грубо вытянул её с кровью и остатками собственной плоти, при тусклом свете луны мужчина окинул происходящее взглядом и, сведя к переносице густые брови, промолвил:

— Пусть стрелы очень коротки, но древко, к которому крепится оперение стрелы, вполне длинное, не удивительно, что при ранении остриё не глубоко вошло в плоть, не повреждая сердце и лёгкое. Ха, кажется, нас совершенно не хотят убивать... — слова внезапно стихли, тело отшатнулось назад, падая, но снова поднялось, нетвердо опираясь на меч, остриё которого уткнулось в настил, и дрогнувшим голосом мужчина разразился проклятиями: — У неё... у неё, вот проклятие, наконечник смазан одурманивающим ядом.

Увидев, что Цин Мэнь не в состоянии стоять, Ло Юнь слегка изменился в лице и, приказав своим людям поддержать мужчину и оттащить в укрытие, где стрелам не так-то просто было достать свою мишень, проговорил:

— Вероятно, они хотят взять нас живьём.

На что Жун Ху спешно бросил взгляд на Его Светлость. Сам же князь, охваченный дрожью, сделал над собой усилие и сказал с улыбкой:

— В таком случае меня не так просто будет взять живьём. — И, сжав рукоять меча, выкрикнул, скрежеща зубами: — Бросайте на воду быстроходные лодки!

Он хоть и не был очень храбрым, но и немало повидал, пройдя сквозь бури и дождь[11]. Тогда разгоревшаяся во дворце Дунфань бойня в сравнении с этой была ужасно кровавой, брызги крови достигали небес, заставляя его, князя, позже понять одну истину: оказавшись в тупике, идёшь напролом, ища путь к спасению. А если не стараешься изо всех сил, то, вероятно, гибель настигнет тебя.

— Молодой господин, джонка, боюсь, очень скоро может...

Фэн Мин в шквале стрел изо всех сил закричал:

— Ничего не говори! Опустите на воду быстроходные лодки, сначала остановим древесину, что они сбрасывают! Только нужно, чтобы джонка не потонула, тогда всё легко уладится.

— Молодой господин, слишком опасно, сначала нужно устранить...

В одно мгновение огромное желание жить и умереть вместе с Жун Тянем, что тогда вспыхнуло в Дунфань и которое устранило нерешительность, вновь вырвалось наружу!

— Что «устранить»? Дайте мне спустить на воду лодки! Они заслонят большую джонку от вражеского огня.

Отданные несколько приказов князя являлись на самом деле методами контратаки, зачастую применяемые простыми судами в момент нападения, и ни на гун[12] не считались каким-нибудь хитроумным планом, вот только подвергшись внезапному, как снег на голову, нападению большая джонка, которая ещё плыла в непроглядной тьме[13], вместе с быстроходной лодкой, попав под шквал огня, оказались настолько стеснены, что были не в состоянии двинуться с места.

Примечания:

[1] Выражение принадлежит великому китайскому философу Мэн-цзы.

[2] В оригинале фраза звучит как «держат высоко голову [и выпячивать грудь]», т.е. держаться самоуверенно.

[3] В оригинале фраза звучит как «беречь слова, как золото», обр. неразговорчивый, молчаливый, немногословный.

[4] Обр. мощный, грандиозный, катастрофический.

[5] 心惊胆战 (xīnjīng dǎnzhàn) — синьцзин дань тяо — трепетать от ужаса, дрожать от страха.

[6] В оригинале фраза звучит как «проворные руки и быстрый глаз», обр. в знач.: быстрый, расторопный, проворный.

[7] Полная фраза звучит как «заслонять небо и покрывать землю», обр. в знач.: повсюду, всеохватно, повсеместно.

[8] 混乱不堪 (hùnluàn bùkān) — хуньлуань букань — разг. беспорядок.

[9] 累木 (léi mù) — лэй му — в древности во время боя сбрасывали древесину, дабы задавить противника.

[10] В китайском здесь используется идиома из исторической прозы «Цзо-чжуань»: «собранный и неторопливый», обр. сохранять спокойствие и хладнокровие при решении неотложных дел.

[11] Обр. проходить закалку и приобретать знания в трудных условиях.

[12] Гун — мера длины в 5 чи, в древности также в 6 или 8 чи (примерно 1.65, 1.98 и 2.64 метра).

[13] В оригинале фраза звучит как «небо во мгле и земля во мраке».

<http://bllate.org/book/13377/1190235>